

3. Ло, Чжуфэн. Китайский словарь: фототипическое издание : в 2 т. / Чжуфэн Ло. – Шанхай : Китайский словарь, 1997. – Т. 1. – 2727 с.
4. Лю, Ань. Философы из Хуайнь-нани / Ань Лю. – Шанхай: Шанхайское издательство древних памятников литературы, 1989. – 512 с.
5. Лю, Сян. Истории о знаменитых женщинах / Сян Лю. – Шэньян : Ляонинское педагогическое издательство, 1998. – 358 с.
6. Лю, Ченьмяо. О красоте дизайна древнего китайского веера с точки зрения женщины / Ченьмяо Лю. – Цзянсу : Издательство университета Цзяннань, 2014. – 62 с.
7. Мао, Паньлин. Ши Бэнь / Паньлин Мао. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1985. – 127 с.
8. Пэн, Динцю. Полная Танская поэзия / Динцю Пэн. – Шанхай : Шанхайское издательство древних памятников литературы, 1986. – 2210 с.
9. Сюн, Куан. Сюнь-цзы / Куан Сюн. – Пекин : Издательство Сиюань, 2016. – 6435 с.
10. Чжэн, Сюэнчжу. Мемориальные заметки / Сюэнчжу Чжэн. – Гуандун : Издательство Гуандун, 1871. – 5489 с.
11. Ян, Сянминь. История веера: Этикет и эстетическая спекуляция традиционного творчества / Сянминь Ян. – Наньцзин : Нанкинский педагогический университет, 2011. – 237 с.
12. Шу, Суньтун. Система ритуальной утвари Хань / Суньтун Шу. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1985. – 5 с.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В КОМПЕТЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

*Ю. В. Чернявская, кандидат культурологии, доцент,
профессор кафедры менеджмента социокультурной
деятельности Белорусского государственного университета
культуры и искусств*

Сегодня крайне обострена проблема человеческого в человеке. Причины понятны: и информационный бум, и виртуальность, и вопросы «новой телесности», и формы жизни, немислимые ранее – в том числе новые формы девиа-

ций. Однако проблеме человека как таковой не одно столетие. Он проблематичен сам по себе, и даже если не понимает, то чувствует это. Причина – множественность реальных и возможных идентификаций.

Тысячелетиями философы, а затем и другие специалисты пытались разобраться, чем человек отличается от других живых существ. Однако исследователи так и не нашли единого исчерпывающего определения, что есть человек и чем отличается от животных. Карл Маркс считал, что человека делает человеком труд, Йохан Хейзинга утверждал, что игра, Иммануил Кант называл первоначалом нравственный закон, Жан-Поль Сартр – свободу выбора... Однако каждое из этих утверждений раскрывает лишь одну из граней идентичности. Дополнительное затруднение состоит в том, что исследователь одновременно и субъект, и объект наблюдения. Легко ли отстраниться от себя, отнестись к себе как к объекту?

В первую очередь, возникает вопрос о первоначалах идентификации человека с «человеческим» как таковым. Но появляется еще более сложный вопрос: почему мы идентифицируем себя с определенной нацией (группой или, напротив, сверхнациональной общностью)? Этнопсихология и социопсихология могут дать на это лишь приблизительные ответы. Забегая вперед, добавим: причина этой приблизительности в том, что мы замечаем лишь логику готовых форм, но не имеем представления о типических и даже архетипических контекстах нашего бытия, которые имплицитно организуют именно такие формы. Первично это происходит в плоскости повседневности – в самой ранней сфере обитания нашего разума.

Сегодня очевидно: не существует оснований для универсалистской претензии к исследованию личности, народа, человечества. Думается, решать связанные с ними проблемы следует исходя из совокупности разных подходов (идеальный тип, по М. Веберу). Однако эта совокупность противоречива: естественнонаучный подход расходится с аксиологическим, социокультурный с психологическим и т. п.

Учитывая это, мы попытаемся очертить лишь одну из сфер бытия человека – повседневность, в которой, на наш взгляд, кроется фундамент всех наук и искусств, и из которой исходят начальные знания о мире, лежащие в основе теорий и доктрин.

Нас приучили считать, что есть высокая, элитарная культура, культура, понимаемая как музей, где накоплены лучшие произведения, созданные в мире, а есть противостоящая ей массовая культура. Это воззрение не только анахронизм, но и ошибка: эти сферы плотно проникли друг в друга. Кроме того, между ними существует недооцененный учеными регистр – повседневность, где смешиваются осадки и элитарной, и массовой культур.

Мы предполагаем, что именно этот регистр и есть данность, роднящая людей одной эпохи, одного народа, одного круга и неосознанно отличающая «своих» от «чужих». Более того, изменения повседневности, постепенно трансформируя жизнь масс, задают тренды и формируют контекст эпохи.

Таким образом снимается вечная дихотомия: великая личность или народ? Во-первых, повседневность – пусть и в определенной мере – то общее, что объединяет Александра Македонского и его воинов; во-вторых, великая личность тем и велика, что умеет «попасть в яблочко» чайной массы.

Однако – и в этом парадокс повседневности – даже такое «попадание» не рефлексится ни личностью, ни, тем более, массой. Мы не замечаем повседневности, поскольку она латентна, априорна и полубессознательна. Лишь внимательный исследователь может интеллектуальным усилием остановить привычный бег событий и поставить под вопрос ее «очевидность» (проще всего это сделать с помощью компаративистского метода).

Повседневность как сфера культуры недооценивалась много столетий, а ведь она – зеркало, отражающее не только быт, но и бытие. То, что таит высокая культура; то, о чем и не догадывается «низкая» – обо всем этом прогова-

ривается повседневность. Нужны только взгляд, перспектива, точка минимального обзора, чтоб ее прочесть.

Наиболее продуктивным подходом к повседневности представляется семиотический. Исследователь должен уметь распознавать и понимать знаки культуры, читать то, что написано между строк в ее текстах (текстом культуры в семиотике называют любое явление, которое можно «прочесть», т. е. слой за слоем оголить ее суть). Это и улица: начиная от светофоров, биллбордов, афиш, вывесок – и кончая уличными музыкантами, граффити, движениями прохожих и т. п. Это и здание: архитектурный стиль, изменения его в истории; в каких целях и по какому принципу его задумали построить и как здание используется спустя пятьдесят или сто лет. Текстами семиотики являются и одежда; и манера разговора, поза, мимика собеседника; и еда, и сон (например, разное отношение ко сну в городе и деревне); и манера ухаживания – от древности до современности.

Особенно значим семиотический подход сегодня, в эпоху перенасыщенности информацией. То, что мы сможем «прочитать», а значит, понять – останется у нас в сознании, не позволив ему разрушаться под натиском бесконечной лавины информации. То, чего не смогли «прочесть», – канет в Лету. Чаще это случается со сложным, необходимым для саморазвития и неоднозначным. Так мы упрощаем жизнь, культуру и себя.

В эпоху противоречащих друг другу имен, картинок и клипов, прописных истин и анонимных угроз, т.е. в эпоху пост-информации, именно семиотический подход поможет обнажить нашу повседневность и в итоге прогнозировать будущее: этот футурологический компонент и есть самый существенный результат интеллектуального усилия. Там, где строгое знание высокомерно молчит, утвердившись в граните своих построений, повседневность «проговаривается» – и не только о себе самой, но и о более значимых феноменах, которые ложатся в основу нашей картины мира и продуцируют ее изменения (незаметные и непонятные

даже представителю данной культуры, а уж тем более – стороннему человеку). Так, например, многолетние исследования белорусского фольклора XVIII–XIX вв. приводят автора не только к описательному знанию повседневной жизни крестьянства, но также и к пониманию его запросов, ценностей и чаяний, которые остались устойчивы и в века урбанизации (если судить по современным социологическим опросам). Отследив такую устойчивую матрицу, мало поддающуюся корректировке в силу ее восприятия как «самоочевидности», исследователь сможет делать выводы о моделях будущего – и в политической, и в экономической, и в целом в социокультурной сферах.

Возникает вопрос: а может ли этот подход помочь современному студенту не только в духовной жизни, но и в будущей профессии? Безусловно, может. Во-первых, любому молодому человеку необходимо уметь отличать ценности от симулякров (термин Ж. Бодрийяра). Тем более ему необходимо самоопределение в спектре культурных идентичностей. Во-вторых, студенты-культурологи, менеджеры в сфере культуры, начинающие специалисты в рекламе и PR должны уметь «считывать» смыслы культуры и создавать собственные – привлекательные и меняющие общество к лучшему. В-третьих, семиотический ракурс поможет и распознавать слои культуры. Ведь повседневность включает в себя множество культурных слоев – и среди них архаические, порой устаревшие практики. Иные можно представить в аттрактивном игровом ключе, создавая на их основе различные культурные проекты, строя «игровые вселенные», используя их элементы в индустрии моды и т. п. Пример – «вышиванкі» и «вышымайкі» и в целом традиционная орнаменталистика как в одежде или в тату, так и в искусстве. В то же время семиотика даст возможность распознать непродуктивные практики и не пытаться создавать проекты на их основе.

И наконец, начинающий специалист поймет, что культура – пусть и извилистая, но линия, стремящаяся к горизонту. Студенты смогут прогнозировать тенденции будущего

и в ближайшей, и в более дальней перспективе. Владелец соответствующих знаний сумеет предсказать ситуации смены знаков, «символические революции», которые не могли бы стать предметом его размышлений, не научись он оперировать информацией о знаковых системах. Потому она представляется необходимой не только в подготовке теоретиков, но и практиков в расширяющейся сфере социокультурной деятельности (менеджеров, маркетологов, продюсеров, специалистов по организации досуга и PR, рекламистов, галеристов и др.).

Мы много говорим о необходимости знаний в сфере IT для гуманитариев. IT-революция свершилась у нас на глазах. Но грядет иная революция – и она будет возвратом к гуманитарности, вернее, сотворением нового типа гуманитарности, где IT-информированность из цели превратится в средство (наиболее явно это видно в специализированных группах соцсетей). Этот тип гуманитарности представлен симбиозом искусства и быта: от инсталляции или перформанса – к документальному театру; от книг нон-фикшн – к движениям по отстаиванию расовых, национальных и гендерных прав, как, например, флешмоб #MeToo; от создания новых телесных канонов до инклюзивных форм искусства: театров, студий, марафонных команд и т. д. Культура, пройдя период некоторой легковесности, приходит к сотворению более серьезных паспорту повседневной жизни. Потому и семиотика обретает иную парадигму – из исследовательского подхода (инструмента лингвистики, литературоведения и т. д.) она становится способом усовершенствования жизни, возникновения новых форм искусства и проведения новых границ на карте культуры.